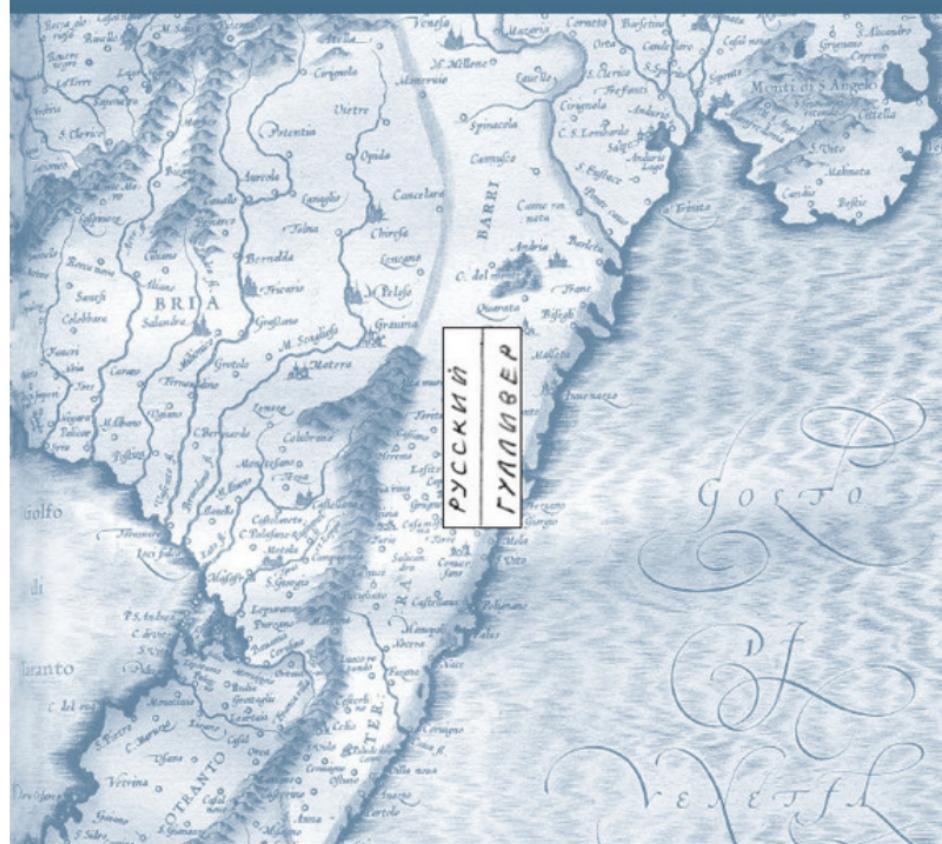

Елизавета Васильева

НАСТАЛА БЕЛАЯ ПТИЦА

Елизавета Васильева

Настала белая птица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050973

Настала белая птица:

ISBN 978-5-86280-028-X

Аннотация

Васильева Елизавета Валерьевна родилась в 1984 году в городе Иваново, окончила филологический факультет Ивановского Государственного Университета, преподавала культурологию в Казанском Государственном Университете (г. Казань). Стихи публиковались в «Литературной газете», в журнале «Poetry Monthly» (Китай), в антологии «Братская колыбель» и интернет-изданиях. Любит кошек и не любит бабочек.

Содержание

об авторе	4
предисловие	5
Любовь Деда Мороза	7
Я же не камень	8
Бы	9
Маленькая	10
Яблоко во мне	11
«она стояла и смотрела...»	12
Мой Амстердам Анна	13
Считалка птиц	14
Картавый соня	15
Из воспоминаний	17
Анна Земная, Фальшивая и Зимняя	19
А. Земная	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елизавета Васильева

Настала белая птица

об авторе

Васильева Елизавета Валерьевна родилась в 1984 году в городе Иваново, окончила филологический факультет Ивановского Государственного Университета, преподавала культурологию в Казанском Государственном Университете (г. Казань). Стихи публиковались в «Литературной газете», в журнале «Poetry Monthly» (Китай), в антологии «Братская колыбель» и интернет-изданиях. Любит кошек и не любит бабочек.

предисловие

«Елизаветта и духи»

Елизавета Васильева – поэт романтический в подлинном туманно-германском смысле этого слова (или нео-нео-неоромантический). Она часто не видит и не желает видеть подробностей и конкретностей, она – то где-то в небе, то где-то под землей, то где-то внутри своего тела и т.п., но всегда – далеко (весъма по классическим романтическим канонам), никогда – рядом. Ее стихи – это некие непреднамеренные визионерские колдовские музыкальные пассажи и пассы, структурируемые внутриприсущей филологической культурой. Она нередко «ловит» и записывает тексты без помарок, боится по-другому, чтобы «приемник» не сломался – ужасно трансцендентно-правдивые тексты, до надоеливости, потому что все время с постоянным углублением в тему напоминают, например, о еврипидовом, заявлении: «кто знает, может, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь». В этом поэтическом мире уже не «срабатывают» традиционные противопоставления: жизнь – смерть, небо – земля, реальное – ирреальное, добро – зло, имя – предмет, мужское – женское, любовь – абсолютный индифферентизм, цело-

мудрое – сладострастие и т. п.

Елизавета Васильева не знает, что хочет сказать и не может знать. Одна из главных черт ее поэзии – визионерское воздержание от суждения при ощущении потустороннего. Она видит и слышит духов, что ли, – некие трансцендентные сущности-имена. Всевозможные евы, анны, белоснежки порхают вокруг нее, в ней и ее текстах. Она свидетельствует – и только. Ее стихи, как лучи энергии, пронзают насквозь, сопротивляясь интерпретации, и меняют на мгновение чтения (впрочем, пожалуй, не только на это мгновение) существо читателя. Так мы иногда не можем вспомнить, что нам снилось, но остается настроение не припомненного сна.

Елизавета Васильева крайне зыбко ощущает себя в действительности. Но инстинкт самосохранения все же требует минимальной основательности. Наверное, чтобы хоть как-нибудь укорениться, она, свидетельствуя, поневоле создает свой фантомный мир, заклиная и колдуя непонятными и непонятными словами и фразами, услышанными от духов. Мир романтический, но создателю его присущ неизбежный визионерский позитивизм: все явления – человеческие и нечеловеческие – уравниваются в сетке каких-то отнюдь не каждым уловимых общих давящих закономерностей. Мир жутковатый, но ровно настолько, насколько жутковато все прекрасное, если его попристальней рассмотреть.

Игорь Жуков

Любовь Деда Мороза

Дед Мороз любит Инну ибо
ее имя похоже на иней неба
дворы мостовая стены как бы
открытые настежь дрожью озноба

трамваи троллейбусы есть еще разве что
за окнами слово Адмиралтейство словно
иглой каждой складки привычной шторки
через дорогу третье окно слева

знать когда Дед Мороз – смелость
Инна мертвa не похожа не просит босая
сугробы, асфальта нет, обнаженности малость
малейшая малость не мерзнуть плясать не таять

и он возвращается под Новый Год к Инне
к босым ступням и нагим настежь окнам
на иней похоже небо, дворы и сани
ребенка идущего по замерзшей воде с nimбом

Я же не камень

когда он приходит домой
с потолка его гостиной
падают яблокияблоки
это значит я стою под водой
замерла как стрела
а вокруг все шевелится
обвивает меня
и я раню я выбиваю из неба
выпиваю дыханье своим острием
и одетая в бронзовую чешую
продолжаю гудеть глухо гудеть
а потом и вовсе становлюсь
чем-то бесформенно-мохнатым
как расцветающая метла

он скажет я умерла была
а я не была умерла
я же не камень

Бы

если бы мы хоть раз встретились
по пути друг к другу в трамвае
ты запомнил бы номер моего билета
я запомнила бы размер твоей обуви
и потом снова встретившись по пути друг к другу в
трамвае
ты сказал бы 23014
я сказала бы август в окне
в верхнем правом углу окна
ты сказал бы нарисовал бы там август
я сказала бы нарисовала бы треугольник
ты сказал бы нарисовал бы улыбку
я сказала бы нарисовала бы поцелуй
ты сказал бы нарисовал бы стер частичку БЫ
я сказала бы нарисовала бы частичку БЫ
и вышла на твоей остановке

Маленькая

еще маленькая была
ходила в детский сад трепетала
от слова любовник сама не знала
не понимала от чего этот трепет —
кругом буквально сплошной детский лепет
надо бы старше
было 4 годика
а он тогда как раз женился
на первой этой она и сейчас впрочем
жена а не на правах птичьих

а воспитательница в детсаде —
женщина в климаксе
привела в группу дочку свою – блаженную
подумала тогда что только на таких и женятся
эта блаженная всегда мечтала
(этот факт и сблизил сначала)
и теперь ездит в том же трамвае
когда трамвай от него домой возвращает

вообще городок маленький
мужчин хороших мало
это и в 4 и в 14 понимала

Яблоко во мне

будто рыба на Луне
словно семечко в арбузе
как скользящая медуза
ходит яблоко во мне

поскользнулось – упадет
и покатится без дела
словно бы давно созрело
словно завтра расцветет

ах мой грех во мне горит
я Лолита или Ева
яблоко как королева
смотрит в небо изнутри

«она стояла и смотрела...»

она стояла и смотрела
как в небе в белых одеждах в розовых мечтах в
наручниках
плыла ее тень

она пошла за хлебом
по дороге встретила
соседку умерла вернулась
проверить заперта ли дверь
дверь была
заперта но не та а утюг был включен
и записка:

«Я птица стала улетела
на юг отсюда точнее
на юго-запад короче
вернулась к мужу Пока»
и подпись совсем незнакомая
«Люба»

а она и так устала
что за Люба была выяснить не стала
по стене оседала

тень по небу летала рыдала летала

Мой Амстердам Анна

Мой амстердам анна
я подарю тебе красный бутон
фонарик – не спи на него смотри
за стеклом так близко от глаз ползают муравьи
заставь свои пальцы научиться у них:
замри расцвети коноплей ходи по воде
телефон молчит продлевая сегодняшний день
никогда – это не завтра, действительно никогда
Мой амстердам анна
летит летит самолет
архангел я вижу в иллюминатор поет наш ад
позови меня и я не вернусь назад
назови меня стервой исцарапай мое бедро
Мой амстердам анна
в сентябре еще так тепло —
научись у моих муравьев как рожать меня
(запомни: чтобы понять только тебе на иностранном)

Считалка птиц

искала небо там где его нет
забиралась в подвалы ездила в Питер лазила в интернет
было 13 птиц – их кормила ласкала
отпустила потом чтобы не тосковали
одна улетела в трамвае
долго металась в поиске выхода —
все думали, кто-то умер, расступились затихли
две другие просили бились стонали
стали в концы концов одной двуглавой
3 полетели служить Ивану Царевичу
выручили его ему доверились
7 – сгорели в огне – исчезли
только одна восстала из пепла воскресла
лишь она, последняя, увидела небо
дождалась его и
ослепла

Картавый соня

когда бессловен – верно безусловен
но слово возникает как сапог
Картавый Соня видит сотню сотен
сапог а может птичьих стай и в чем-то бог

Картавый Соня на своем окошке
за край схватившись как свисток висит
он безусловен если из сторожки
его увидит сторож и спасет

но стоит слово сторожу услышать
но стоит слово Соне прокричать
как упадет второй оставив крышу
а первый в запертую дверь начнет стучать

но дверь нема а значит безусловна
и неоткрыта – молчалив замок
Картавый Соня как корабль на волнах
поет о том что каждому свой бог

а Сонин бог мы знаем птичи стаи
а птичьим стаям свойственен полет
Картавый Соня в небесах растает
но сторожа картавый смех спасет

Из воспоминаний

А мне тогда будет 3 года кажется от рожденья
я буду воскресать воскресать воскресать и воскресну
куклой
кукла говорящая катя
не курить не сорить
посторонним вход воспрещен

Число 3 февраля год 1978
маша с петей играли в войну
петя оторвал мне голову

Число 17 апреля год 1943
мою оторванную голову
несет течением грязной реки Мойки
иногда внутрь заплывают рыбки

Число 11 марта год 1984
моя голова стала камнем ожидания
(это наверное от мыслей и дохлых рыбок)
на набережной помню Бродского...

Распахнула кукольные мои голубые глаза смотрю
в небо
мне тогда будет 3 года кажется после смерти

я буду умирать умирать умирать
и воскресну

?

Анна Земная, Фальшивая и Зимняя

A. Земная

Над городом вечерним задувая фонари
шалили мы
и анна мой король мне бросила перчатку
и села на плечо
пойдем мой друг ты вызов неба принял
мы легче воздуха нам дан цветок ночей.

...вот женщина и вяжет шарф и ждет
она так любит свет домашних звезд
к ней в дом упавших в межсезонье
прицелься – перекресток рам оконных
разметил путь для стрел амура
она очнется раненой на утро
она найдет свою весну
весною

в дорогу мой король
не разбуди ее своим теплом...

...вот женщина рыжеет и лежит
встречает осень в жалах желтых трав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.